

A detailed illustration of a young woman with long, wavy reddish-brown hair, shown in profile facing right. She has intricate purple and gold floral tattoos on her cheek and neck. She is holding a lit cigarette in her right hand and a glowing, flaming envelope in her left. A dark, skeletal hand reaches out from the upper right towards the envelope. The background is a dark, moody landscape with a blue and green glow on the left side.

КРИСТИНА
ЮРАШ

ПОПАДАНКА ДЛЯ
НАМЕСТНИКА СМЕРТИ

Кристина Юрьевна Юраш

Попаданка для Наместника Смерти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69784771

0101

Аннотация

Я впала в кому и очнулась на том свете! Но не в пала в отчаяние! Заключив сделку со Смертью, я обязалась поработать почтальоном и разнести сто писем, написанных живыми для мертвых. И тогда мне подарят еще один шанс на жизнь! Но время ограничено.

Мертвые не могут прочитать письма живых. А я могу!

Но только с разрешения адресата. Иначе – никак!

Все было хорошо, пока я с письмом не пришла по адресу и не встретила самого упрямого, невыносимого мужчину в своей жизни. И он категорически не хочет получать это письмо!

Ничего! Я заставлю его прочитать это проклятое письмо, даже если мне придется сорвать его бал, пробраться в его поместье, подкарауливать возле каждого куста.

Рано или поздно он сдастся!

Содержание

Пролог	4
Глава первая. Скелеты в конвертах	8
Глава вторая. Бульон из почтальона	26
Глава третья. Испанский стыд	37
Глава четвертая. Бабушка и Барсик	46
Глава пятая. Мама не разрешала открывать дверь незнакомцам!	57
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Попаданка для Наместника Смерти Автор: Кристина Юраш

Пролог

Я с трудом разлепила глаза.

И с удивлением увидела возле себя незнакомого красивого мужчину с профилем, как у греческого бога. И мешками под глазами, как у олигарха.

А потом лениво повернула голову и увидела еще одного. Постарше.

Симпатичного. Но уже в анфас. С повязкой на лице а ля «белый ниндзя пробирается сквозь ковидные дебри».

Смотрю, мальчики предохраняются. Повязки на лице. Ну, да сейчас целоваться с незнакомцем намного опасней, чем спать с кем попало....

Я осторожно моргнула, в надежде, что они бесследно исчезнут из моей жизни и памяти. Вот это я дала!

Это что? Я так и не определилась вчера вечером? Или второго дали мне по скидке, привязанным скотч лентой к первому? Или где-то на кассе жизни продавщица Судьба спросила: «Товар по акции желаете?», предоставив на выбор му-

жиков с истекающим сроком годности.

Ой! Что ж так голова болит? Не могу...

– Кхе! – прокашлялся кто-то еще. Я скосила глаза и увидела третьего. Мне что? Судьба мужиками неустойку выдала за несложившуюся личную жизнь?

– ФафилияФимяФофефстфо? – слышался голос одного из мужиков. Это прозвучало слегка зловеще, словно надо мной служат черную мессу.

– Я еще не умерла... Рано меня воскрешать, – прошептала я, удивляясь тому, насколько тихим и слабым был мой голос.

Меня подбросило и снова опустило. Что ж тут так шумно? Откуда этот гул? Слабо вертя головой, я пыталась понять, кого из соседей ждут в аду в ближайшие два часа с перфоратором в заднице?

– Имя-фамилия-отчество? – шепеляво спросил первый красавец сквозь повязку.

Ничего себе! Сразу видно, что намерения серьезные! Что же я такого сделала, что тут ко мне сразу с серьезными намерениями?

– Марта Васильевна Ц...ц...цветкова, – прошептала я, удивляясь, насколько это тяжело. – Кажется, но я не ... уверена...

Если честно, то я мало в чем была уверена. Например, в том, что это не часть сна. А очень может быть!

– Год рождения? – слышался голос красавца. Он что-то

записывал, пока я смотрела на яркий свет.

– Не посадят, – прошептала я, пытаюсь настроить четкость картинки. Но четкость куда-то пропадала.

– Родные есть? Родственники, родители, муж... Если есть, то диктуйте телефон, – слышался голос.

– Нет, никого нет, – прошептала я, пытаюсь вспомнить, где мой телефон.

– Друзья, знакомые, коллеги? – навязчиво врывался в мою полудрему голос.

– Сволочи, – искренне вздохнула я, чувствуя, словно на груди лежит огромный камень.

Отмахнувшись от навязчивого голоса, я снова очутилась в уютном обволакивающем коконе без сновидений и мыслей.

– Эй! – дернули меня. Я недовольно открыла глаза: «Ну что еще?».

– Вы откуда? – спросил уставший голос.

– Из мамы! – сипло и слабо ответила я, требуя отстать от меня и оставить в покое.

Уже сквозь дремотную темноту я слышала голоса. Их было много. Все они пытались ворваться в мой уютный мирок. Мирок вращался, убаюкивая меня с каждым вращением.

– Тест положительный! Дальше по коридору! – слышался громкий женский голос. Он многократным эхом рассеивался и сливался с гулом других голосов. Непонятных, неинтересных и абсолютно бессмысленных.

– Третий этаж! – снова задребезжал голос, утонув в нарас-

тающем гуле. — Реанимация.

Голоса были гулкими и раздражающими. Я слышала десятки ускользящих звуков. И мечтала, чтобы они наконец-то растворились в моей уютной тишине. Проклятые! Не дают отдохнуть! Я, между прочим, без выходных работала полгода! Выбрала денечек, чтобы поспать, а тут на тебе!

— Скорая помощь, здравствуйте! Записываю адрес! Сейчас выезжаем! — уставший женский голос терялся в гулком эхе. — Бригаду на Советскую! Еще один! Досиделись под орехом! Опять! Пока не ... Я сказала! Бригаду на Советскую семьдесят шесть! Въезд со стороны магазина!

Моя уютная тишина странно мелькала и вздрагивала. Она была то яркой, то темной.

— Порожек! Осторожней! Готовьте! Еще одна! — слышался бессмысленный голос. И моя тишина снова вздрогнула и задрезжалась.

— С остановки, — послышался голос, словно отвечая на чей-то вопрос. — Плохо стало, упала, люди скорую вызвали!

Где-то подхватила... Говорит плохо... Звук слабый... Приходила в себя... Назвала фамилию, имя, отчество... Никого нет...

— Вот молодежь пошла, — послышался немолодой мужской голос. — Никого не надо, а как заболеешь, никого нет... Ладно, давайте ее сюда! Девка молодая, выкарабкается....

Я надеюсь.

Глава первая.

Скелеты в конвертах

– Вас приветствует Тотсвет, – слышался голос, а я с легкостью открыла глаза.

Я лежала на груди каких-то бумаг, словно на мягком матрасе. И слезать не собиралась.

– Осторожней! Письма! – слышался нервный голос, а меня бесцеремонно стащили на холодный и неудобный пол.

– Эй?! – возмутилась я, пытаюсь вырваться. Но меня тут же поставили на ноги и отряхнули.

Очнулась я от того, что мне руку усиленно трясут, приводя в чувства.

– Поздравляю! – раздраженно трясли меня за руку.

– Э... – немного расстерялась я. Все было вокруг мутным, словно за мокрым стеклом.

– Вы к нам надолго? Или навсегда? – слышалась скороговорка. Мою руку так и не отпускали. – Как там дела? Солнце еще не погасло? Озоновые дыры? Впрочем, наверное, все как обычно. Ничего не меняется. Мне очень жаль, что с вами так случилось! Жизнь – жестокая и несправедливая штука! Новости живых не интересуют. До свидания! Было очень приятно познакомиться!

Я трясла головой, пытаюсь понять, где я нахожусь и с кем

разговариваю. Передо мной стоял долговязый тип с старомодной потертой одежде. Эдакий «дядя, достань, с верхней полки». На голове у него был нелепый цилиндр, из которого торчала проволока каркаса. Цилиндр видал лучшие виды и, видимо, лучшие головы.

Меня деликатно подталкивали к старинной, закругленной двери, над которой висел колокольчик. В окне все было каким-то рыжим. Вокруг меня пламенела осень, сгорая желтыми и красными огнями листьев. Неба не было видно. Словно вместо него раскинулась огромная черная дыра.

– Я понимаю, принять тот факт, что вас больше нет, тяжело! Но вы уж как-нибудь смиритесь, что ли? Все смирились, и у вас получится! Ждите письма от живых! Да, вы умерли, собственно, как и все здесь! Но это не повод унывать, тосковать и так далее! **ВСЕГО ХОРОШЕГО!** Платочек вот!

С этими словами дверь открылась, а меня вытолкнули на оживленную улицу старинного города. И сунули в руки маленький платок.

Осень всюду разукрасила его в яркие краски, оттеняя синеватую-серость старинных кирпичных кладок.

– Готовимся к Хэллоуину! Костюмы живых! Готовимся к Хэллоуину! Кто собирается собрать конфеты, пусть покупает костюмы живых! – слышался очень загадочный и интригующий голос. – Тыквы! Лучшие тыквы!

От удивления, я едва не раскрыла рот. Золото осени уходило в черную пустоту неба. Не было ни звезд, ни облаков.

Только дымка и слабый свет откуда-то сверху.

Казалось, весь город был пропитан каким-то внутренним золотом осени. Люди, одетые странно, спешили куда-то не обращая на меня внимания.

– О, какая симпатяжка умерла! – подкатил ко мне молодой человек вместе с молчаливым и смущенным другом в сером шарфе. – А ты говорил, что умирают только одни некрасивые девушки! А тут вот! Ну, знакомиться будешь? Эй, стоять! Ты куда пошел! Сейчас уведут! Извините! Он у меня слегка ... странный! Ты куда? А ну вернись! Еще раз извините!

И парень исчез в толпе вслед за нахмуренным другом.

Здесь никто не был похож на мертвых . Все выглядели очень живо! Никаких тебе полуразложившихся трупов, плотоядных зомби, скелетов. Все это казалось обычным сном, который иногда заставляет проснуться в растерянности.

Я сделала шаг навстречу городу, как вдруг из складки пальто вывалилось письмо в желтом потертом конверте. Я присела и подняла его, глядя на лужу неподалеку.

Письмо, попавшее ко мне случайно, было адресовано ... А, впрочем, я не могла прочитать кому. Единственное, что я смогла разобрать: «Моей маленькой лапке». Буквы прыгали и плясали в разные стороны, словно почерк был детским. Некоторые буквы были размыты, словно на них капал дождик. Я подняла глаза, но дождя не было.

– Простите! – толкнула я дверь, вслушиваясь в мелодич-

ное звучание колокольчика. Старинная дверь едва подда-лась.

– Извините, я очень занят! Если вы хотите поговорить о том, есть ли жизнь смерти, погоревать о живых и поплакать, это не ко мне! – послышался голос откуда-то сверху. По деревянной лестнице сбегали ботинки, а следом тащился мешок, полный писем! Письма высыпались, разлетались, но мешок упорно тащили в сторону огромной груды писем.

Она была огромной, словно айсберг, на который напоролись нервы владельца.

– Вам писем нет! Еще не успели написать! Вы умираете быстрее, чем люди пишут! – кивнул мне мужичок, ловя рукой цилиндр. – Ох уж эти письма! Мне что? Солить их? Куда мне их теперь?

Он взяла конверт, шмыгнул птичьим носом, и поднес его к глазам.

– Вот кому это? А хрен его знает! Надо ждать почтальона! Письма, письма, одни письма! – причитал мужичок, словно не замечая меня вовсе.

Лишь один раз он кивнул мне.

– Можете поплакать где-нибудь в уголке. Разрешаю. Учтите, дежурный платочек привязан. И я стирал его субботу. В какую, не помню! Но помню, что в субботу! – раздраженно буркнули мне, пока я мялась на пороге незваной гостьей.

– Тут письмо... Я положу его на столик. А то, мало ли... – осторожно протянула я письмо, глядя на серую тряпку на

веревке и ряд стульев. – Какой-то лапке... Просто буквы размыло, но это была не я!

– Хорошо, положите его на... на... на... – замер мужичок, а потом просто махнул рукой. – Неважно «на куда!». Тут сплошные письма! Не ошибетесь!

– Хорошо, – вздохнула я, с недоумением глядя на деревянную стойку и красивую лестницу. – Вот здесь письмо для Лапки. До свидания.

– Что? Кто? – внезапно дернулся мужик, застыв с лопатой над грудой писем.

– Там написано, что для лапки. А дальше я не смогла прочитать. Видимо, письмо попало под дождь, – оправдывалась я, пытаясь подчеркнуть факт, что не имею к осадкам ни малейшего отношения. Только к душевным. И только у людей.

Я вышла со звоном колокольчика, осматривая город снова. Деревянная вывеска скрипела сама по себе. «Почта», – прочитала я надпись над стареньким конвертом.

Неизвестный город спешил по своим будничным делам. Я не знала, куда идти, что делать.

«Центр помощи недавно почившим. Добро пожаловать! Работаем круглосуточно! Без перерывов и выходных! Мы всегда вам рады!», – прочитала я скрипучую вывеску через дорогу.

Я заинтересованно направилась в сторону двери. На удивление она была закрыта. Я подергала ее, глядя на «без перерывов и выходных».

– Кто здесь? Я на вас сейчас собак спущу! – послышался подозрительный голос, намекая, что радуются посетителям только в глубине души. И виду при этом не показывают! – А ну быстро вон отсюда!

– Извините, – пожалала я плечами, отходя от «круглосуточно и без выходных».

Мне сюда не надо было. Я же не умерла?

Открытки с годовщиной смерти! С днем упокоения! – милая продавщица заманивала в сторону прилавка с яркими картинками.

Я подошла, взяла одну из них с гробиком и свечками. «Поздравляю с днем упокоения! Желаю счастья, радости и любви в твоей загробной жизни! Чтобы любимые родственники как можно быстрее переехали к тебе!», – прочитала я, пробегая глазами другим открытки.

«Ты погасила свечи, загадала желание, чтоб муж к тебе переехал заранее! В день упокоения твой!», – прочитала я, очень «абстрактно» понимая, где я нахожусь. И причем здесь похороны!

Из любопытства, я решила пройти вниз по оживленной улице, рассматривая прохожих. Надо мной качнулась еще одна деревянная вывеска: «Ты потерялся? Не знаешь где ты? Поздравляю! Ты умер! Тебе сюда!».

Я приоткрыла дверь, слыша женский, низковатый голос. – Спасибо! – перебил его мужской голос. И все дружно захлопали. Я увидела круг стульчиков, на которых сидели

люди.

– Итак, вы следующий! Расскажите, что последнее вы запомнили? – послышался бодренький, мужской голос.

– Я... эм... – начал какой-то мужичок, вставая и осматриваясь по сторонам. – Я помню, как мы с Валерой и Володей сидели в гараже... И тогда Володька говорит: «Смори, как я умею!». А я говорю: «Это все фигня! Смори, как я могу!». И... дальше темнота!

– Благодарю! – похлопал ведущий, повернувшись ко мне. – О! У нас новенькая! Рассказывайте, как вы умерли!

– Я? Умерла? – удивилась я. – Нет, что вы... Я живая! Живее всех живых! Мне пора! Не хочу мешать вам сходить с ума! У вас это неплохо получается!

Стоило мне только выйти, как на мое плечо легла рука. Я вздрогнула.

– Ой, это вы? – обернулась я, узнавая долговязого из «Почты».

– Я так рад! Наконец-то! – меня обхватили длинными, как веревки, руками и закружили. Не смотря на мои визгливые протесты. – Я так понимаю, вы ... не там, не тут? Да? Или как бы правильной... Одной ногой здесь, а другой там? Где-то между? И ни туда, и ни сюда? Да?

Меня поставили на землю, заставив одернуть распахнутое пальто.

– Ни жива, ни мертва? – смотрели на меня с явным желанием донести важную мысль. Но, видимо, ее расплескали по

дороге. – В коме?

– А я откуда знаю! – обиделась я, отряхивая рукав и большую пуговицу. Ее бы пришить не мешало бы. – Там я, или здесь.

– Пойдем! – меня тут же потащили обратно в сторону почты, пока я изо всех моральных сил упиралась.

– У меня сейчас будильник прозвенит! Сейчас сосед опять сверлить начнет! И вообще, я сплю по четыре часа! Так что сильно на меня нее рассчитывайте! – упиралась я, пока меня волоком тащили в сторону «Почты».

– Поздравляю! – трясли меня за руку, но уже очень искренне. – Вы – просто настоящая находка!

– Ну хоть не ископаемое! – обиделась я, пытаюсь вытащить руку из плена чужой радости.

– Вы клад! – восторгались мной по неведомой мне причине.

– Я часто чувствую себя кладом, особенно, когда меня все ищут! – упиралась я, пытаюсь быть вежливой и поскорее уйти. – Пока бухгалтерша Лора Крофт не раскопает меня в моем двухкомнатном захоронении и не заставит выйти на работу сверхурочные!

– Да вы просто... – восторгался незнакомец, улыбаясь мне изо всех сил. – Да что уж там говорить!

Меня панибратски взяли за плечи и стали расхаживать со мной по скрипучему полу.

– Живые очень тоскуют по мертвым, это не секрет, – на-

чали издалека. – И мало кто знает, но между миром живых и мертвых есть ... эм... некоторое сообщение. «Лети с приветом, вернись с ответом!». Что-то вроде того!

«Лети с приветом, вернись с ответом!» – пронеслось в моей голове. Я мысленно представляла почтового голубя, зверски забитого молотком. Бррр! Не люблю, когда мучают зверюшек!

– И... Мертвые тоже скучают по живым. Так же как и живые по мертвым, – слышала я очень убедительный голос. – Но, вот незадача! Письма живых мертвые не могут прочитать! Для них это просто бумага... Без адреса, без слов. Но ... есть те, кто может читать такие письма!

– Вы хотите сказать, что это я? – удивилась я, с тоской глядя на двери.

– Да, именно вы! Те, кто завис между жизнью и смертью, те, кто ни там, ни тут... Они способны читать письма, адресованные мертвым. И читать их вслух! Представляете, сколько радости доставит письмо с того света?

– Ну как бы да... – неопределенно кивнула я, все еще мечтая уйти. Мы протоптали дорожку от стойки до груды писем.

– Да бросьте вы! – восторженно продолжал долговязый. – Вы согласны? Вам же все равно делать нечего? Ни там, ни сям. А тут вам предлагают хорошую работу! И жилье! Посмотрите, сколько у меня мешков писем! Они такие мягкие! Вам будет очень удобно! Мы можем сразу вас поощрить!

От меня на секунду отлипли, а я бочком стала двигаться

к двери. С пыльного стенда: «Наши лучшие сотрудники» смели паутину, показывая на пустое место.

– Ну подумайте, я вас не тороплю! – меня поймали и потащили к стойке, где тут же появился договор.

Я не успела прочитать договор. Но собиралась. Мне самой было интересно, что в нем написано.

– Ни в коем случае на вас не давлЮ! – вложили мне в руки перо и показали пальцем на место для подписи.

Но я вырвалась и стала читать договор очень внимательно. «Я, имя фамилия, дата рождения, дата смерти...».

– Ну здесь мы пока ставим прочерк, – заметил голос, пока я читала дальше. Не понравилось мне слово «пока».

«Обязуюсь разнести и прочитать сотню писем, чтобы получить шанс снова вернуться в мир живых!», – дочитала я, глядя на мешки. – «Если хотя бы одно письмо не будет доставлено адресату, не будет прочтено с согласия адресата, то вы останетесь в мире мертвых. И день окончания данного контракта будет считаться официальным днем вашей смерти».

– Вам дают второй шанс! Понимаете? – послышался голос, пока я раздумывала. – Всего лишь сотня писем, и вы снова живы! Не такая уж и высокая цена!

Я раздумывала. Это все начинало казаться явью. Но я все еще не теряла надежды, что это – просто сон. Если это сон, я ничем не рискую. Если это – правда, то второй шанс дается не каждому?

Стойте! Прекратите на меня давить! Я вам что? Прыщ!

Я закрыла глаза, усиленно пытаюсь проснуться. И, кажется, у меня это даже слегка получилось! Я слышала гул и неразборчивые голоса.

– Родственникам сообщили? – спросил уставший немолодой голос. – Ах, я забыл. Родственников у нее нет. Ладно, пусть лежит. Если нет родственников, то через тридцать дней нам придется тебя отключить, девочка? Слышишь меня? Отключить! Так что давай, карабкайся, девочка, карабкайся! Освобождай агрегат! Рано тебе еще на тот свет! Послушай меня, старика. Тебе еще замуж выходить, детей рожать... Вся жизнь впереди! Ладно, я домой. Дежурному скажите... О! Сходил домой! Еще подвезли! Некуда! Куда я их дену? На лоб себе? Куда...

Я снова открыла глаза, видя знакомый потертый прилавок и груды писем, небрежными стопками нависающие над совестью.

Голос становился тише. И казалось, что я его придумала себе. Уж больно странно он звучал в этой пыльной и уютной комнате.

– Тридцать дней, – повторила я. – Что значит.... Тридцать дней? И через тридцать дней я ... тю-тю? То есть, я еще не тю-тю. Но скоро, возможно, тю-тю?

Ладно! Решение принято! Возможно, я потом пожалею об этом. Или посмеюсь с утра со словами: «Приснится же такое!». Но если это правда, то...

– Где подписать? – спросила я, видя точку кляксы. Моя роспись осталась сохнуть на документе.

– И пока вы здесь, вы сможете сделать счастливыми столько людей! – заметило начальство.

– Особенно меня, – слышался звон колокольчика.

На почту ввалился почтальон. Он растянулся на полу, прижимая рукой клок штанов. И шустро пополз в нашу сторону.

– Проклятые бабки, проклятые собаки, проклятые кошки! – стонал он, напоминая настоящего зомби.

Внезапно он вцепился в меня, глядя страшными глазами:

– Бойся! Это чудовище! Бойся его!

К-к-какое чудовище? К-к-кого бояться?

– Хомяка... – слышался слабый голос и почтальон, видимо, сомлел.

Однажды, когда мне было семь лет, я разбила коленку и лоб. Видимо, кто-то много лет назад пытался меня предупредить об этом дне!

Я начинала жалеть о своем решении. И хотела схватить договор, чтобы разорвать его, но договор исчез.

Долговязое начальство собирало письма в кривую стопку и пыталось засунуть на полку. Ему показалось, что на полке еще осталось местечко для писем, как вдруг...

– Все, – с ноги распахнулась дверь. Письма из стопки разлетелись по всей комнате. Мы вздрогнули.

– Я здесь больше не работаю!!!

В комнату вошел джазовой походкой один самонадеянный и интересный тип. Он посыпал себя дождем из писем, скрутил одно на манер сигары и дерзко ударил рукой по столу.

– Еще немного, и меня здесь уже не будет! – потертая фуражка самонадеянного и интересного типа упала на пол и была растоптана беспощадной ногой. – А вы останетесь здесь, трупики! Ха!

– Опять реанимируют? – слабо спросил «ползун», слабо открывая глаза и сядясь на полу.

– И на этот раз успешно! – заметил самонадеянный тип, подмигнув мне. – О! О! Ну все! Я пошел! Да здравствует жизнь! Прощайте, дохляки! Оревуар, жмурики!

– Не обращай внимания. Его уже шестой раз пытаются откачать! Он у нас очень важная птица. Вот и откачивают, – вздохнул помятый почтальон, доставая иголку и нитку.

Он кое-как зашивал штаны. И мне показалось, его слова прозвучали не без зависти.

Неужели?

Кто-нибудь! Объясните моей зависти, что тут нечему завидовать! А как не завидовать любящей семье, готовой бороться до победного за тебя? Как можно такому не завидовать, когда у тебя в важных номерах начальник, бухгалтерия, маникюр и доставка еды на дом?

– А разве так можно? – спросила я негромко. Самонадеянный и интересный тип пинал мешки с письмами, притан-

цовывал и рвал на себе униформу.

– Можно. Разнеся нужное количество писем, ты получишь шанс. Шанс вернуться туда самостоятельно! Внезапно открыть глаза и... – мечтательным голосом заметил помятый почтальон. – Но нужно, чтобы ты успел, пока твое тело еще живое! Потом будет уже некуда возвращаться... Поэтому, мне некогда тут расслаживаться! У меня осталось еще тридцать шесть писем!

– А этот что? Все письма разнес? – спросила я, глядя на беспредельщика.

– Его просто откачивают... Кредиторы! – мгновенно задушил гадюку моей зависти помятый почтальон. Он расправил штаны, пересчитал заплатки и стал натягивать их обратно.

– Аааа! – протянула я, следя глазами за «счастливчиком».

– Прощайте, дохляки! Меня впереди ждет целая жизнь! – с грохотом закрылась дверь, прозвенев прощальным колокольчиком.

– И почему я еще здесь? – спросила я у самой себя, глядя на зашитые следы гостеприимства на штанине помятого коллеги.

– По правилам этого мира, как только ты умрешь, ты можешь появиться в любом месте! Абсолютно! При мне в ресторане упал прямо на стол свежеприбывший! – вздохнул помятый, пытаюсь привести себя в товарный вид. – И везде есть одна инструкция, как себя вести в случае, если такое произойдет...

– Я не об этом! – отмахнулась я, расстроившись неимоверно.

– Ну не все так плохо! – добродушным голосом заметило долговязое начальство, доставая откуда-то форму и выдавая ее мне. – Так, рабочие моменты! Введи ее в курс дела. А я пойду разгребать ... письма!

Помятый встал, надел фуражку набекрень и махнул рукой в сторону кучи.

– Подойди к ней и узнаешь, сколько писем тебе нужно разнести и прочитать адресатам. У кого-то одно, но очень важное, – вздохнул помятый. Вид у него был самый, что ни на есть почтальонский. Усы, лучики морщинок и легкая проседь.

Я осторожно подошла к куче. Итак, у меня есть тридцать дней. И я должна успеть разнести...

– Сто писем? – увидела я цифру «100».

Вместо нулей были черепа. Цифра таяла в воздухе, оставляя дымчатый след.

– Сто – это не так уж и много! Для тридцати дней! Да я могу и за день управиться! А я переживала... Я сейчас мигом все разнесу и «здравствуйте, я иду на поправку!», – внезапно обрадовалась я, придумав заранее себе миллионы писем. И расстроившись. Тоже заранее.

– Добиться согласия открыть конверт и прочитать письмо вслух. До конца! Ничего не утаив! Для мертвых – это просто чистая бумага в чистом конверте. Только тот, кто между жизнью и смертью может прочитать его, – продолжал голос,

пока я украдкой считала, сколько писем в день мне нужно разносить, чтобы побыстрее вернуться в мир живых.

– А если мертвый отказывается..., – наставляли меня, сбивая со счета.

– Что значит отказывается? – удивилась я. – Это же письма от родных, друзей, близких... Как можно отказаться читать их? В самом деле!

– То тебе придется найти способ... Не перебивай меня, а то мне пора спешить! – с укором посмотрели на меня.

Да, да, да. Я слушаю очень внимательно! Я превращаюсь в одно сплошное внимание! Сто писем за тридцать дней! Сто писем! Тридцать дней! Я думаю, что каждый бы испытывал что-то вроде: «Бежать! Быстрее! Делать!».

– Тебе придется найти способ прочесть письмо. Значит, смерти важно, чтобы адресат его услышал! Тайну письма нельзя никому рассказывать! Это чужие секреты! Ты не должна сбиться, пока читаешь это письмо! Не должна показывать эмоции. Ты – просто почтальон! – менторским тоном наставляли меня. А у меня коленка тряслась так, словно сейчас кто-то скажет: «На старт! Внимание! Марш!».

– А посылки будут? – опасливо спросила я, прикидывая свою грузоподъемность.

– Будут! Еще как будут! Посылок будет много! Иди ты! Да пошел ты! Брысь отсюда! – вздохнул бедолага. – Не всем охота читать письма с того света, беречь старые раны. Но если смерть решила, что это важно. Значит, это важно! Толь-

ко смотри! Если ты умрешь окончательно тут, то потеряешь свой шанс там. И никогда не вернешься в тот мир. Никогда.

Он открыл котомку, словно желая мне что-то показать, как вдруг поднялся вихрь из писем. И письма стали залетать в сумку.

– Потом берешь письмо, – продолжал бедолага, вытаскивая письмо. Оно засветилось в руках и полетело в сторону двери. – Письмо само приведет тебя к адресату! Все! Я побегал! Иначе письмо потеряется!

Дверь прозвенела и закрылась.

Я стала рассматривать униформу. На ней были следы когтей во всю спину, жеванный рукав и дырки, словно от пуль на штанинах. Фуражка была разрублена на две части.

Все это было аккуратно зашито и заштопано. Но ни капельки не утешало.

– Тридцать дней! Сто писем! – повторила я себе, надевая котомку через плечо.

Колокольчик двери нежно прозвонил. Дверь скрипнула, а я услышала тихие шаги. Обернувшись, я увидела того самого наглого типа, который расшвыривал письма ногами. Сейчас он выглядел вовсе не наглым и интересным. А скорее, жалким и побитым. Он молча поднял с пола растоптанную фуражку, отряхнул ее об себя и приладил на голову. Крэдучись, он направился к сброшенной сумке и повесил ее на плечо.

– Извините, пожалуйста, – шепотом закивали мне, погля-

дывая на лестницу. – Неловко получилось! Немного преждевременная радость! Так что давайте знакомится, если что-то нужно, я...

– Спасибо, не надо, – ответила я, видя, как побитая мышка перетряхивает сумку.

Я открыла сумку, затаив дыхание. Вихрь писем поднялся и закрутил меня. Письма, словно ласточки, влетали в сумку, пока я пыталась сосчитать их, но сбилась на пятом или шестом. Они ловко юркнули и притаились, пока вокруг меня шел дождь из писем.

– Сто писем? Да не вопрос! – подбадривала я себя. – Нет, ну не тысяча же! Итак, первое письмо у нас... Ой!

Я решила достать письмо наугад. Моя рука нырнула в сумку. Долго вороша письма, я достала мятый желтый конверт.

– Маркизу? – удивленно прочитала я красивый ровный почерк. – Но адреса нет... Интересно, а где живет маркиз? Наверняка в каком-нибудь старинном поместье! Только где мне его искать!

Не успела я договорить, как вдруг письмо задрожало. Я испугано выпустила его. Письмо взмыло вверх, заставив отшатнуться. Оно вспыхнуло пламенем и ... полетело! Само! Юркнув в дверную щель, оно исчезло за дверью.

Глава вторая. Бульон из почтальона

– Так, а я чего стою? – опомнилась я, бросаясь к двери. Распахнув ее, я повертела головой. Письмо! У меня улетело письмо!

В конце улицы я увидала огонек. Он пронесся над головами прохожих, собираясь исчезнуть за поворотом.

Я со всех ног, спотыкаясь, бросилась бежать за письмом!

– Извините, простите, мне срочно! – на ходу распахивала я случайных прохожих. – Я не виновата! Это письмо! Нога – не курс рубля! Вырастет как-нибудь!

На моей несчастной совести была испачканная юбка, оторванный плащ и десяток истоптанных ботинок. Про удары локтями, я вообще молчу.

«Загрызу!», – зарычала совесть, оскалившись.

Потом, потом! Все потом!

Задыхаясь, я свернула вслед за письмом. Оно уже исчезало в другом конце улицы, напоследок ярко вспыхнув.

Я отрывала сумку от чьего-то платья. Зацепилась ремешками. На меня с возмущением смотрела чопорная дама. Темно-синее строгое платье и взгляд школьной учительницы, заставил меня покраснеть еще сильнее!

– Простите, у меня там письмо, – лепетала я, глядя на сра-

жение сумки с платьем. – Мне нужно быстро!

– Вы что творите?! – возмущалась женщина. – Бегать по улицам неприлично! Вы ведете себя неподобающим образом! И одеты, кстати, тоже!

В неравной битве победа осталась за сумкой. С треском ткань юбки надорвалась, а я едва не потеряла равновесие, прижав драгоценную сумку с драгоценными письмами к себе.

– Как ты посмела!!! – слышался визгливый женский голос. Кажется, на меня еще и замахнулись зонтиком. – Мне еще замуж выходить!

Я мельком глянула, видя под чопорным платьем алое кружевное белье, далекое от идеалов воздержания.

– Мне кажется, так получится намного быстрее! – крикнула я набегу.

Письмо! Кажется, я его потеряла! Нет, стойте! Вот же оно! Мне через площадь!

На площади было столько людей, что яблоку упасть было некуда. Кто-то прогуливался, кто-то просто стоял и разговаривал. Я подпрыгнула повыше, чтобы увидеть это проклятое письмо, витающее над головами.

– Включаем режим бабушки! – скомандовала я себе, вспоминая, как однажды вступила в неравную и заведомо проигрышную борьбу с одной бабушкой – божий одуванчик за права иметь в будущем детей, самооценку и хотя бы одну здоровую ногу.

Письмо, словно огненный шар несло над площадью. Кажется, никто даже не обращал на него никакого внимания.

– Одну минутку! – снова подпрыгнула я, высматривая письмо.

Кажется, я сбила с кого-то шляпу, когда прыгала на месте. Письмо летит вон туда!

– Па-а-аберегись! – предупредила я все, но в основном свою совесть. – А-а-а-астарожна!

«Моя ты девочка!», – заулыбалась совесть, когда я буравчиком врезалась в человеческую массу. Мне казалось, что под конец толпы, я лишусь зубов, девственности, сумки с письмами и человеческого облика.

– Уххх! – вывалилась я, поправляя шляпу.

Письмо вело меня по пустынным улицам. Судя по всему вон к тому огромному роскошному поместью. Несколько раз я споткнулась на бегу о брусчатку, боясь потерять из виду письмо.

Возле мрачноватых ворот письмо остановилось и замерло.

– Ох, ух, ах, – причитала я, проводя руками по оторванным пуговицам.

Поймав одной рукой письмо, я взяла его, осматривая поместье сквозь щели в прутьях.

– Видимо, сюда? – спросила я, открывая ворота.

Скрипучие ворота с вензелями сообщили двум ближайшим улицам, что кто-то пришел. Сад был пустынным, заросшим и выглядел весьма зловеще и загадочно. Нет, конеч-

но, не как в фильмах ужасов, но все же.

– Маркиз, – напомнила я себе, вспоминая этикет.

Что-то внутри заволновалось. Я впервые в жизни увижу настоящего маркиза!

Про маркизов я знала многое. В основном из сериала «Тайные знаки любви маркиза и сиротки», который шесть лет подряд смотрела моя бабушка. Это был один из тех сериалов про кобелирующих личностей, упорно не замечавших бедную честную девушку под боком. Под конец мне казалось, что ему проще соблазнить режиссера и оператора, чем милую сиротку с простодушным лицом продавщицы из соседнего магазина.

На бабушкиной книжной полке пылились любовные романы. Как сейчас помню. Один про опытного мужика «Я знаю, где твои губы, красавица». Второй, видимо, про стоматолога, «Запах твоего дыхания». Там было много чего интересного. Например, «Съешь меня глазами», дилогия «Роковая страсть» и «Роковая старость»...

Я что-то слегка заволновалась, поглядывая на письмо.

Ой, а вдруг он красавец? Ну прямо как на обложке романа? Видимо, каждой девушке хочется получить своего маркиза, графа или герцога.

Не то, чтобы я питала какие-то иллюзии. Но осторожность в этом деле не помешала бы!

– Может, он уже старенький, – одернула себя я, когда фантазия уносила меня в сторону обложки с полуобнаженной

парой на фоне точно такого же сада.

Я шла по дорожке, стараясь отогнать от себя воспомина-
ния про «нежные руки, рвущиеся из штанов», про «про пла-
мя страсти, опаляющее волосы на его могучих руках», про
«трепетную пещерку, которая широко распахнулась, чтобы
впустить в себя огонь необузданной мужской страсти», и
все такое...

Старинная дверь выглядела внушительно. Свет нигде не
горел. Хотя, может, еще и рано?

Письмо вырвалось и полетело в сторону двери.

– Стоять! Ты куда! – бросилась я через сад, так и не успев
помечтать как следует.

На дороге мне попался огромный черный кот. Он мирно
сначала перебежал дорогу, а потом стал перелетать. Я пере-
пугалась, потеряла равновесие и ступила ногой в кусты.

– Мяс!!! – послышался истеричное.

Под ногой что-то дернулось. Видимо, это был хвост! Я
отшатнулась обратно, на дорожку, отряхивая себя от сухих
листьев!

Я схватила письмо возле самой двери. Оно вспыхнуло и
погасло. Интересно, что это значит?

Так! У нас тут маркиз! Я приосанилась, расправила плечи,
втянула живот. Мне удалось даже слегка продрать спутанные
волосы рукой, откинув их назад.

– Тук-тук! – постучала я, закусив губу.

Пока что было тихо. Я видела, как по плющу карабкается

тот самый черный котяра. Ну и напугал он же меня! Брррр! Еще сидит на дорожке! Его в темноте почти не видно!

Я помялась, обмахиваясь конвертом, как веером.

– Если здесь живет кот, значит, его кто-то кормит, – постановила я. – А если его кормят, то здесь кто-то живет! Однозначно!

Выводы меня успокоили, как вдруг дверь открылась. Причем, сама по себе! Ну и дела!

Я заглянула в пустой коридор. Напротив меня изгибалась роскошная лестница. Она, словно обнаженная красавица лежала на дорогом ковре.

– Нам так не жить, – обреченно вздохнула я, заприметив свет, идущий из одной двери на втором этаже.

Где-то здесь должен ждать таинственный маркиз драгоценное письмо. Мне уже самой интересно, о чем могут писать маркизу?

«О, сударь, едва увидев ваше письмо я навсегда потеряла ... очки!», – пронеслись в памяти шедевры эпистолярного жанра. Высокопарные фразы, красивые признания в любви, утонченные комплименты...

Мне уже, если честно, чуть-чуть не по себе!

Насколько я помню старых аристократов, они любят этикет! Думаю, я справлюсь! Постучаться вежливо, дождаться ответа, изящно войти, сделать реверанс, рассказать зачем пришла, протянуть письмо, попросить позволения присесть и прочитать!

Так, я ничего не забыла? Вроде бы нет!

И тут меня осенило. Если я читаю письма, то я как бы узнаю... эм... чужие секреты? Это что-то вроде подглядывания в замочную скважину! С одной стороны это было не совсем этично. А с другой стороны, они же сами должны давать разрешение на прочтение? И я точно не стану трубить об этом на каждом углу?

Я поднялась по лестнице, лаская рукой изгибы перила. В комнате на втором этаже действительно горел свет. Он падал прямым лучом из приоткрытой щели, как бы рисуя полосу между.

Немного успокоившись и заправив непослушную прядь, я подошла к приоткрытой двери. Со стены на меня смотрели мрачные портреты. Иногда мне кажется, что это не любовь родственников заставляет вешать их на стены. А исключительно желание закрыть дыры на старинных обоях!

– Вау! – прошептала я, видя позолоченные подсвечники.

Дом был огромен. Интересно, сколько в нем комнат? Двадцать? Тридцать?

– Письма! – напомнила я себе, сжимая в руке письмо. Оно словно попало под дождик. Чернила кое-где поплыли.

Я занесла руку, чтобы вежливо постучать, как вдруг дверь открылась.

– Тук-тук, – выдала моя рука по чьей-то груди вместо старинной деревяшки.

– Эм... – потерялась я, осторожно задирая голову. Ничего

себе! Я даже не знаю, что сказать...

Я была такой маленькой по сравнению с ... с... В коридоре было темно, поэтому я не успела рассмотреть лицо. Зато в тусклом свете успели сверкнуть бриллианты на одежде.

Совсем растерявшись, я промывчала что-то вроде: «Э... И...» вместо положенного «Здравствуйте!».

Хозяин исчез в ярком свете, который был так непривычен после синеватой темноты коридора. Свет бил мне в глаза, пока я щурилась. «Реверанс!», – напомнила мне вежливость. Да-да! Сейчас! Одну минуту! Тут же как бы маркиз!

– Здраст-т-туйте, – выжала я из себя, чувствуя себя крайне неловко.

Я попыталась кончиками пальцев взять воображаемую юбку и растянуть ее пошире. В одной руке я все еще сжимала заветное письмо, а вторая во что-то врезалась. И уронила.

Послышался звонкий бдзеньк! Словно на пол упала огромная ваза.

– Ой! – перепугалась я собственной неуклюжести. «Ничего страшного! Со всеми бывает!», – успокаивала я себя. Видимо, разнервничалась. Не каждый день тебе маркизы попадаются?

– Я все уберу! – занервничала я, видя осколки. – Простите! Одну минутку. Сейчас я все подниму! Все подниму!

– Ничего мне поднимать не надо, – послышался тихий и спокойный голос. – Все, что нужно поднимется и без посторонней помощи. С чем пожаловала?

– С письмом! Вот! – нервничала я, видя, что хозяин сидит, отвернувшись от меня. Спинка кресла заслоняла все, кроме руки, лежащей на подлокотнике и сверкающей кольцами. И прядей волос, сквозь которые был виден огонь.

– Ма-маркизу! – пояснила я. И тревожно заглянула в кресло. Меня точно слушают? Или нет? – Я могу прочитать?

– Читай, – послышался голос.

– А... да... читать! Как же! – нервно рассмеялась я, чтобы скрыть неловкость. Черт! Ну надо же было так! Надеюсь, ему больше никто не будет писать писем!

– Кхе-кхе! – прокашлялась я, открывая конверт. Сумка соскользнула с плеча и грохнулась на пол.

– Простите! Еще разочек! – набрала я воздуха в грудь, вешая сумку на плечо. – Письмо! Для Маркиза!

Что там? Что же там? Мне уже самой интересно!

– Дорогой мой маркиз! – с выражением прочитала я. Я читала медленно. Вдруг он что-то не расслышит с первого раза. – Как ты там? Надеюсь, что это «там» все-таки существует...

Боже! Как трогательно... Я и забыла, что я в мире мертвых. Уж больно все тут выглядит, как у живых. Никаких тебе скелетов, зомби... Люди, как люди... Ну, по больше степени.

– Если бы ты знал, как мне тебя не хватает... – прочитала я, чувствуя подступающий ком к горлу. – Ты был таким ... у меня слов нет... Я уверена, что вряд ли ты получишь это

письмо... Я не слышала, чтобы кто-то вообще получал письма оттуда. Поэтому... Поэтому я пишу его, скорее, в надежде, что мне станет легче...

Я шмыгнула носом. На глаза навернулись слезы.

– Ты был для меня всем... И даже не представлял, как много значил. Жаль, что я поняла это только когда увидела твою могилу... – прочитала я сдавленным от слез шепотом. – Простите... Я... Ладно! Соберись!

Слезы текли по моему лицу, буквы расплывались.

– У меня словно сердце вырвали... И душу... Внутри такая пустота... Я вспоминаю твое любимое кресло. Я до сих пор глажу его, вспоминая в нем тебя... – читала я, давась слезами. Даже огонь камина расплывался в моих глазах.

– Я вспоминаю твой ошейник, – прочитала я, как вдруг глаза зацепились за слово «ошейник». Как многого я не знала про маркизов. Мужик, сидящий в кресле спиной ко мне тут же заиграл новыми красками в моих глазах.

– Про то, как после нашей игры, ты садился и чесался, – прочитала я, чувствуя, как на глазах просыхают слезы. Почему пишет она, а стыдно мне?! – Помню твои смешные... пушистые ... бубенчики...

Все. До свидания. Я сдаюсь! Не могу!

Обладатель пушистых бубенчиков был невозмутим и спокоен.

– Твои маленькие, смешные, пушистые бубенчики и шерстку на пузике, – прочитала я, в голове составляя порт-

рет. Пока что там был голый красавец в ошейнике с ... эм... маленькими пушистыми бубенчиками, которые он постоянно чесал после игры. К общей картине добавилось волосатое пузико, напоминающее коврик.

– Я помню, как однажды наказала тебя, – продолжала я, дрожащим голосом. Из всех сил я пыталась читать выразительно, с интонацией. Как на детском утреннике.

Глава третья. Испанский стыд

Пришлось нервно сглотнуть, чтобы продолжить. Это было ужасно непросто в свете открывшихся фактов.

– За то, что ты разбил мою любимую кружку, – прочитала я, чувствуя, как голос мой голос становится тише. – Д-д-дала рукой под пушистую задницу!

Я знала такие подробности и откровения, что впору убить меня на месте. Как свидетеля. Владелец пушистой задницы, сидел в кресле все так же невозмутимо. Словно такие письма были для него в порядке вещей.

«Ах, сударыня! У вас такие красивые глаза!», – доносится под звуки венского вальса. «Благодарю! Это было так мило! Ах, сударь, у вас такая пушистая задница!», – обмахивалась веером красавица. «Ну вы же ее еще не видели!», – удивляется аристократичный красавец. «Мне тетушка говорила. Если не знаешь о чем говорить, то говори о погоде или пушистой заднице!», – вздохнула скромница, прячась за веером.

Сейчас я буду прятаться за шторкой. Интересно, почтальонам полагается успокоительное?

– И за то, что насрал на... мой... – я уже начинала запинаться. – С-с-свитер...

Мужик в кресле зашевелился. Я точно не ошиблась? Точно?! А вдруг?!

– Извините, но тут так написано. Я вам ни в коем случае не осуждаю, – оправдывалась я, чувствуя неловкость. – Я редко бываю в высшем свете... Ну как редко? Никогда. Поэтому не знаю, может там так принято... выражать ... свое негодование по поводу... Эм...

Кто-нибудь! Возьмите ружье со стены и пристрелите мою фантазию.

Я живо представила картинку. Изнеженный аристократ гневно смотрит на жену, которую застал с садовником в саду. И они там явно не картошку копали, и не помидоры подвязывали... «Ах, сударыня! Вы меня разочаровали!», – произносит он холодным аристократичным голосом. «Меня тоже!», – уныло замечает садовник, застегивая штаны. «Вы оскорбили меня своим присутствием!», – холодно произносит аристократ. «Где? В вашем доме, или в вашей жене?», – замечает скромный мускулистый садовник. Аристократ гневно идет в комнату, находит платье жены, снимает штаны и... «Сударыня, полюбуйте! Это выражение моего неудовольствия!», – изрекает он, показывая на свежую кучку... Ой!

– Простите, – смутилась я, заметив, что перестала читать. – Извините... Просто... Так! На чем я остановилась? Эм... Я помню, как дала тебя неделю. А потом ты приполз... Весь раненый, несчастный. Я тебя выходила... Помню, как ты ползал по мне... Как водил по лицу своим хвостиком...

Я уже слишком много знала про эту личность с перстнем.

Слишком много! И про то, что как мужик он так себе...

Удивляло ли меня? Эм... Ну не совсем. У каждого свои причуды. Если брать в пример моих соседей, то это еще так, ерунда. По вечерам она квасила капусту. Он просто квасил.

Все звали его Квасилий Федорович, а ее Квасилиса Петровна. И никого уже не смущало, если, случайно открывая двери, ты видишь Квасилия без штанов. Он мог лежать прямо на лестничной клетке, не доползя до «тук-тук, я в домике!» буквально полметра. Но всегда строго головой на север. Видимо, когда-то они мечтали об одиноком домике в поле. Поэтому все делали громко и шумно. Настолько, что Петюня с первого этажа спрашивал маму: «А посему Тетя Квася блеет хомяка! Ему же холодно!».

Ой, я опять зависла! Так-так! Тут еще немножечко осталось!

– И терся об меня... – мужественно продолжала я, сглаживая нервы. – Я очень по тебе скучаю, мой любимый... Так скучаю, что словами не передать... Я бы все отдала за то, чтобы ты снова был рядом... Целую, твоя Ж.

Я помолчала, как бы давая понять, что чтение закончено. У меня горели уши. Они, видимо, были непривычны к чужим секретам. Что делать дальше с письмом я не знала. Наверное, нужно его отдать...

Как неловко! Я подошла к креслу и протянула письмо. Голова повернулась в мою сторону. Ему на вид было под сорок. О возрасте напоминали только несколько тонких морщин на

лбу и седая прядь волос, заблудившаяся среди темных прядей. Она всем видом намекала, что она тут случайно. И что как мужик я еще вау-вау-вау...

Я почему-то безотрывно смотрела на эту прядь. Это смотрелось как-то ... интересно и слегка странно. Холеное лицо, тонкий «аристократичный» нос с хищными крыльями мне тоже нравился. Глаза у него напоминали чай. Не крепкий, нет. Средний. С чайнками.

Словом, все в нем выдавало ... «Породу!», – вспомнилось мне странное, и всегда казавшееся неуместным, слово. Если бы я сравнивала его с собаками, то это был бы датский дог. Причем, «датским» он становился сразу, стоило ему войти в помещение, где была бы хоть одна не слепая женщина.

Темные брови поднялись и вопросительно изогнулись.
– Это вам, – протянула я дрожащей рукой письмо. И тут же вспомнила про вежливость. – Примите, уважаемый Маркиз!

«Не забудь про реверанс!», – послышался внутренний голос. – «Маркизы любят реверансы!».

Взгляд, который я поймала на своей руке, заставил меня неловко сглотнуть.

– Я честно-пречестно обещаю, что никому ничего не расскажу! Ни про ваши пушистые бубенчики! Ни про обкаканый свитер! – вздохнула я, обещая себе хранить тайну до конца своих дней.

Взгляд, скользнувший вверх, заставил меня слегка вздрог-

нуть. Что-то в глазах Маркиза намекало, что «конец моих дней» наступит вот-вот.

– Я вам торжественно клянусь, – убеждала я, вспоминая правило: «Разнести все письма!». – Что никому ничего не скажу! Я уже забыла то, о чем читала! Знаете, у меня столько писем!

Мне пришлось в голову потрясти сумкой.

– Так что я уже ... того, – улыбнулась я ободряющей улыбкой. – Забыла! Извините, если что не так и ...

Я сунула ему письмо, растянула руки в неуклюжем реверансе. И стала стратегически отступать. Меня провожали таким взглядом, что в голове промелькнуло то, что сделал подлый и жестокий граф со своей молодой женой на сорок шестой странице дамского романа.

А еще взгляд намекал, что для этого жениться вовсе необязательно.

– Пардоньте, – снова растянула я руки в призрачном реверансе, как вдруг послышался ... дзень! Я случайно, локтем задела красивую статуэтку в виде птички.

Она слетела с каминной полки и звоном битого фарфора намекнула, что она дочь пингвина и страуса.

– Простите! – занервничала я, поддаваясь панике. – Я все уберу! Извините еще раз!

Я снова попыталась сделать реверанс, отступая к двери. Мне приходилось слышать, что работа почтальона опасна и трудна! Подлые домофоны, злые собаки, вредные старушки.

Меня утешало лишь то, что я ни разу не слышала про изнасилованных и убитых почтальонов.

– Смотрите, чтобы она не сделала еще один реверанс! А то у нас дом сложится! – слышался небрежный голос за спиной. Я обернулась и увидела черного кота, вылизывающего свою лапу.

– Ладно-ладно, так и быть... Прощаю... Надо будет ей присниться, что ли? Ну-да, ну-да! Опять разревется в подушку! Будет рыдать! И так каждый раз! – замер кот, глядя на меня желтыми глазами. – Ненавижу, когда женщины плачут!

– Кот разговаривал! Г-г-говорящий кот! – я пыталась поверить своим ушам. – К-к-кот говорит!

Я с удивлением посмотрела на кота, а потом повернула голову в сторону господина. Он подпер рукой подбородок и хрипловато выдал: «Мяу!».

И тут до меня дошло!

– Так, значит... Ой! Простите! Как неловко получилось! – нервничала я, почему-то размахивая руками и пытаюсь подобрать слова. – Так это вы... Маркиз?

– Собственной персоной! – зевнул кот. – Да, когда-то меня звали Маркизом. Но это заблуждение! Что можно хотеть от женщины, начитавшейся романов! У нее даже попугая звали Герцог! Вкусный. Но я все оформил, как несчастный случай.

– Значит, письмо было адресовано вам! – смутилась я, обещая в будущем обходить этот дом десятой дорогой, полз-

ком с ветками в голове. – Простите, великодушно! И как к вам ... эм... обращаться?

– Нежно... Меня зовут Сальвадор, – вздохнул кот, сладко потягиваясь.

– Дали? – спросила я, первое, что пришло на ум.

– Ну в какой-то мере я художник. И разукрасить могу! Такие шедевры пишу на тех, кто пинает меня! – намекнул мне кот.

– Еще раз простите великодушно, уважаемый Сальвадор Недали, – замялась я, прижав к себе сумку с письмами. – И вы тоже, простите... Письмо привело меня сюда... и...

Я стала отступать к двери.

Котяра подошел к роскошному креслу, выгнулся и вцепился в него когтями, как вдруг замер под пристальным взглядом ... я так понимаю, хозяина?

– Ну не смотрите так, Ваше Сиятельство! Я – всего лишь кот! – исправился кот, тут же спрятав когти и начиная умыться. Словно ни в чем не бывало.

Я нащупала ручку двери, чувствуя, как полыхают мои уши. Стоило мне вылететь в коридор, я тут же приложила руки к щекам. Мама!

– Ничего страшного. Зато теперь я буду знать, где живет говорящий кот, – утешала я себя.

Я сбегала по лестнице, зацепившись ремнем сумки за перила. Дернув сумку, я поспешила к двери. Она была открыта. Но я сюда больше ни ногой! Никогда!

– Фу-у-у-х! – сглотнула я, вспоминая пушистые бубенчики и пушистую попу.

– Почему мне так стыдно? – простонала я, радуясь прохладе. – Это ж надо! Перепутать!

Я подошла к воротам, в надежде навсегда покинуть это место.

– Уже уходите? – послышался ленивый голос кота. Он сидел на столбе, сложенном из кирпича и украшенном чем-то похожим на горгулью. В темноте это выглядело жутко!

– О, и вы тут? – удивилась я, вздрогнув от неожиданности.

– Вышел проверить, дошла ли ты до ворот, – заметил кот, свешивая пушистый хвост. Хвост игриво смахнул паутину. – А то мало ли что с тобой случится? После того, что ты сказала Его Сиятельству с тобой может случиться все, что угодно!

Глаза кота округлились. И теперь они напоминали две желтые луны.

– С чего это ты решил обо мне позаботиться? – удивилась я, со скрипом закрывая ворота.

– Если ты называешь: «Посмотреть из чистого любопытства, что он с тобой сделает!» красивым словом «позаботиться», то да. Так и есть, – послышался голос кота. – Я в какой-то мере действительно позаботился о тебе! Я предложил несколько своих скромных вариантов... И чтобы тихо, и чтобы чистенько... Кошки – очень чистоплотные животные!

– Я и так уже как бы в мире мертвых! Куда уж дальше умирать? – удивилась я, стараясь держаться от кота подальше.

– О, ты много не знаешь. Ты не совсем мертвая. Но можешь умереть окончательно. И тогда все твои письма передадут кому-нибудь другому, – заметил кот, облизывая лапу. – Но и тут не повод расслабляться. Есть еще Небытие! Когда тебя не станет окончательно! Хлоп! И нет тебя! Ни в мире живых, ни в мире мертвых!

– Я все поняла. До свидания, – вежливо, но сквозь зубы, попрощалась я, идя вдоль забора.

– А вот этого не надо... – послышался голос. Кот шел за мной по забору, ловко обходя зубцы. – Я тебе советую, больше не попадаться ему на глаза...

– Все, хватит! – возмутилась я. – Я и не собиралась! Отнесла письмо, и все! Прощайте! Мое дело маленькое!

Глава четвертая.

Бабушка и Барсик

– Ой, ой, ой, – пафосно заметил кот, выгибая спину. – Не больно и хотел тебя задерживать. А вот хозяин хотел бы... Возможно даже больно... Смекаешь? Так что держись отсюда подальше.

– Хорошо! Я буду держаться подальше от раненой мужской самооценки! – буркнула я, все еще стгорая от стыда. – И вообще! Почему бы не повесить на заборе табличку: «Осторожно! Говорящий кот!»

– Я бы сделал приписочку! И злопамятный хозяин! – ехидно заметил кот, шелестя листиком.

Он исчез за изгородью. Где-то прошуршали кусты.

Я свернула за угол, стараясь не сбавлять шаг! Совесть достала и отряхнула словарь «Неприличные слова, которые не стоит говорить при детях».

Только –только она собиралась выругаться, как пьяный могильщик. Я ее опередила, прижав руки к щекам: «О, какой конфуз!».

Мне было ужасно стыдно! Еще бы, я тут мужику про его пушистые яйца зачитываю, а это, оказывается, письмо его коту! Кто бы мог подумать, что кот умеет разговаривать? Почему меня не предупредили?

– Я обещаю, – глубоко вздохнула я, косясь на виднеющиеся из-за угла очертания дома. – Что буду обходить этот дом десятой дорогой!

«Может, отдохнем?», – хором загудели ножки.

– Нам нужно разнести сто писем! Ой, уже девяносто девять! – напомнила я, пытаюсь понять сколько времени. – И если мы не поторопимся, то...

– Ла-а-адно, – жалобно заныли ножки и послушно затопали подальше от этого злополучного места.

Я сунула руку в сумку, наугад пытаюсь найти письмо. Так! Возьмем вот это! Кому оно адресовано? Опять под дождь попало?

Я посмотрела на небо, не видя ни тучки. Да тут вообще нет ни звезд, ни луны. Какая-то дымка заволокла все вокруг и простерлась аж до горизонта.

– Ну, лети, давай! – подбросила я письмо. В этих диких джунглях уважаемой и непрестижной профессии я могла и заблудиться!

Оно загорелось и... повернуло за угол.

– Не-е-е-ет! – опешила я, видя, как оно летит прямо к тому самому дому, из которого я только что вышла.

Я кралась, стараясь, чтобы свет фонарей не выдавал моего присутствия. В окне горел свет, а я мечтала пройти это место побыстрее.

– Да оно что? Издевается? – ползла я вдоль стенки. Письмо никуда не торопилось. Оно летело так медленно, словно

на бреющем полете.

– Афу-у-у, афу-у-у! – дула я на него, срочно требуя покинуть это место. Я вспомнила мужчину из кресла. Он навсегда остался в моей памяти неотделимым от этого кресла. Как кентавр от коня, как селедка от русалки и как зарплата от «займи до зарплаты».

Письмо медленно летело по улице. У меня даже мурашки отлегли от попы, когда я миновала эти роскошные хоромы, где мне теперь всегда рады!

Через несколько улиц, я обняла фонарь. Если бы фонарь был мужчиной, он бы тут же покраснел. Еще бы, стонать я начала еще за десять метров. А в метре от него, я чуть не споткнулась и не упала к его ногам.

– Стой! – протянула я руку к письму.

Мы двигались, как старенькие черепахи. Письмо летело так медленно, как только могло. Я ползла за ним, честно обещая своим уставшим ножкам однажды пнуть того, кто это затеял.

Письмо остановилось возле старого дома. Серые доски, перекошенные окна, в одном из которых красовалась дыра, пряталось за жуткими зарослями. У меня мороз пробежал по попе, когда я посмотрела на черепицу и старинную дверь.

Скрипнув ржавой, висящей на одной петле калиткой, я опасливо шагнула в сад. Сад напоминал мне все ужастики одновременно. Трава была почти по пояс. Скрюченные деревья, словно хохочущие злодеи, намекали на то, что здесь

живет страшное зло.

– Возможно, вышедшее на пенсию по выслуге тиранических лет, – присмотрелась я, видя мешок с мешками, стоящий возле одного дерева. Рядом с ним паслась пузатая леечка с ромашкой.

Каждый шаг давался мне невероятным усилием воли. Глядя на такие заросли, мне казалось, что на меня оттуда смотрит какое-нибудь чудовище. Мало ли, что в этом мире водится? Про говорящих котов мне тоже не рассказывали! А он есть!

Ветер завывал на разные голоса. Я шла, готовясь отбиваться сумкой и диким визгом. Если чудовище не очень страшное, то это будет до второй октавы. Его очень, то минимум ля второй октавы.

Почему-то мне казалось, что в таком доме имеют прописку как минимум десять фамильных призраков.

Но здесь, не то, чтобы прописаться, здесь и прокататься можно!

– Туки-тук, – постучалась я, на всякий случай сжимая булочки.

«Разбудила спящее зло! Теперь мир в опасности!», – мелькали перед глазами заголовки завтрашних газет. Очень надеюсь, что зло выпалось, и доброе.

Только собиралась уходить, как вдруг дверь со страшным скрипом открылась. Мне кажется, в этот момент поседели даже мои будущие внуки!

– Кто там пришел? – послышался старушечий голосок.

– П-п-почтальон, – икнула я, видя, как в дверях появляется бабушка – божий одуванчик. На ней была ночная рубашка в мелкий цветочек. В руках она держала свечку.

– Ой, какое счастье! Почтальон пришел! – обрадовалась бабушка, которая на вид казалась очень доброй. – Проходите, проходите...

Я неуверенно шагнула в холл. Холл был доверху наполнен всякими коробочками, банками и узелками.

– Вам письмо, – заметила я, рассматривая грудку полезных и нужных для помойки вещей.

– Проходите, кому говорю! – голос был очень радостным.

В этот момент где-то должен был прогрехотать гром, пронести разрушительный ураган, начаться землетрясение. Должен же мне был кто-то намекнуть, что будет дальше!

– Сюда-сюда, – голосом заботливой бабушки, позвали меня в комнату. На всякий случай я мысленно составила завещание, шагая на свет.

Это была уютно-пыльная комнатка с замшелым диваном и плешивыми креслами. На процарапанный столик, прикрытый салфеточкой, встала тарелка с пирожками.

– Присаживайтесь! – суежилась бабушка, заставляя меня чувствовать неловкость. Я опустила торбу с письмами, присев на самый край кресла.

– Вы согласны, чтобы я его прочитала? – спросила я, глядя на старинные часы и уютные занавески с рюшами.

– Пирожки сначала съешь! А то небось, устала с дороги! – послышался голос бабушки.

В животе заурчало, а я мужественно взяла пирожок и надкусила его. Он был слегка черствым и холодным.

– Ешь, пока горячий! – хлопотала бабушка. На столе появилось варенье, кружка с чаем, какие-то ватрушки и пряники.

Я присмотрелась, от пирожков шел пар, словно их только что вынули из духовки. Но они были холодными.

– Они как бы холодные, – заметила я, пытаюсь по ощущениям определить начинку.

– Ах, совсем забыла, что ты почти живая! – махнула рукой старушка, пододвигая холодный, но парящий чай.

– Пишьмо! – напомнила я, мужественно грызя пирожок.

– Потом, потом, – махнула рукой бабушка. – Ничего слышать не желаю! Ешь, давай...

Через полчаса я прокашлялась, с отвращением глядя на пирожки. Мне кажется, что до конца своих дней я не буду есть пирожки! Никогда»

– Ой, ну что ж ты так мало поела? – зацокала языком старушка. И тут же строго добавила. – Пока все не съешь никаких писем!

Помутневшим взглядом я смотрела на пирожки. Дрожащая рука потянулась за следующим. Я проталкивала его туда, а он упорно лез обратно.

– Я ошень шпешу... – простонала я, чувствуя, что никогда

в жизни я не буду есть! Или минимум неделю!

Стекая по креслу, я страдальческим взглядом умоляла бабушку прекратить меня мучить пирожками. Последний пирожок пошел туго, но я сделала над собой усилие и проглотила его, как удав.

– Уфффф, – выдохнула я, глядя на пустую тарелку с крошками, как смотрит жестокий победитель на несчастного побежденного.

Мне хотелось пройти триумфальным маршем по огромному блюду, но за меня это сделал шустрый таракан.

– Ик! Пись-мо! – напомнила я про цель визита. – Вы даете согласие, чтобы я прочитала вам его!

– А как же ватрушки? – строго спросили у меня.

При виде ватрушек я сползла под стол.

– Может, не надо? Ик! – выдохнула и пирожки в желудке. Я чувствовала себя автобусом в час пик, в котором вместо пассажиров ехали пирожки. «Ой, а куда идет автобус?», – спрашивали последние пирожки. «Пропустите! Мы ошиблись маршрутом!», – паниковала последняя партия. «А нас высадить под ближайшим кустом!», – требовала задняя площадка.

Через час я поняла, что самой страшной книгой в моей жизни будет Поваренная Книга. Еще через час я уже отличала по пиписькам всех внуков в семейном альбоме. Еще через полчаса, я уже знала, где что у бабушки болит. И как при помощи правильно приложенного горчичника вернуть муж-

скую силу даже импотенту. И как при помощи ингаляций календулой остановить понос.

Пока она все это рассказывала, я вежливо кивала в надежде вставить хоть слово. Кто-то положил голову мне на колени. Я обрадовалась, что у старушки есть собака. Я даже погладила ее под столом, а потом краем глаза посмотрела на ватрушки.

Из обычной покупки трусов деду получился целый блокбастер. В нем было все. И месть, и главный злодей, и несчастные влюбленные, которые никак не могли встретиться!

Ватрушка медленно скользила по столу в сторону собачки. «Ам!», – ватрушка исчезла в пасти. От умиления я тайком погладила собачку по голове и почесала за ушком.

– ... мы проехали четыре остановки, а выходить нам на пятой...

У триллера «А че все так дорого!» появилось продолжение. Сейчас это уже запахло сериалом. «Ам!», – слышалось под столом. И завершилось чавканьем.

Я начинаю обожать эту собачку!

– Письмо! – напомнила я, с ужасом глядя на время. – Я очень спешу! Смотрите! Я все доела!

«Чав-чав-чав!», – слышалось под столом. Скатерть шевелилась, скрывая следы моего преступления.

– Разрешаете ли вы его прочитать? – выдохнула я, в надежде, что пирожки наконец-то улягутся. Как многодетная мамочка я пыталась уложить внутри себя пирожки. Мыслен-

но пела им колыбельную. Но они не собирались укладывать-ся.

Часы пробили полночь.

– Письмо!!! – напомнила я очень настойчиво. Желудок угрожающе заурчал в подтверждении серьезности моих намерений.

– Ну давайте его сюда! – протянула руку бабушка. – Ой! Очков-то нет!

– Дорогая бабушка! – прочитала я, глядя на умильные детские каракули. – Я так по тебе скучаю. Это я разбил твою любимую вазу. И поэтому ты заболела...

Это был так трогательно, что я едва не заплакала.

– Дедушка сказал, что ты на небесах. А я смотрел на небо. И тебя там не видел. Дедушка сказал, что ты высоко-высоко. И заплакал. Он по тебе очень скучает. Он не разрешил трогать твою кружку, из которой ты пила лекарства. Он поставил ее в сервант. Рядом с твоей фотографией. Дедушка стал каким-то грустным. Он часто сидит на скамейке возле дома и вздыхает. Деда стал совсем стареньким. Он постоянно повторяет, что нужно спросить бабушку. Когда что-то потерял. Так говорит мама. Она сказала, что ему недолго осталось. Я спрашивал, что ему недолго осталось? Но она промолчала. Я очень скучаю по тебе. По твоим морщинкам. По фартуку в горошек. По пирожкам...

В этот момент пирожки внутри меня заволновались, услышав про собрата по начинке. И попытались вылезти,

чтобы тоже прочитать! Я сглотнула: «Сидите, где сидите!».

– Дедушка сохранил твои очки. Они лежат рядом с его кроватью и таблетками. А я помню, как мы с тобой пылесосили ковер. У меня четверка по математике и географии. Остальные пятерки. Я приготовил тебе подарок на день рождения. Рисовал открытку. Мама увидела и расплакалась. Она ушла плакать на кухню, – у меня даже голос сорвался. А из конверта вывалился корявый рисунок. – Я люблю тебя, ба. И дарю тебе открытку. Прости, что однажды пожаловался на тебя маме. И что не хотел ехать к тебе на лето. Потому что не хотел расставаться с друзьями.

Я посмотрела на бабушку с глазами полными слез. А потом протянула ей письмо вместе с рисунком.

– Я думала, уже забыли бабушку, – вздохнула она, прижимая письмо к груди. – При жизни забывали, так хоть сейчас помнят. Даже позвонить забывали. А я сидела возле телефона, никуда не ходила. Ни на почту, ни в больницу. Ждала, что позвонят. Беспокоилась! Спасибо за письмо!

Ее губы дрожали. Она утирала слезы, стекающие по морщинам.

– Надо будет деду сказать, где я варенье поставила! – смахнула слезы бабушка. Она достала потрепанную косметичку и стала ярко красить губы. – Ладно, попозже! У них сейчас сколько времени?

Я пожала плечами.

– Ты же не думаешь, что я явлюсь к нему во сне, как блед-

ное привидение? – заметила бабушка. – Барсик, ты не помнишь, куда бабушка дела платье для снов? И календарик с лунными днями?

– Ррр! – послышалось из-под стола.

– Барсик, иди сюда! Иди сюда, котик мой! Бабушка тебе рыбки положит! – бабушка встала и почесала к шкафу.

О, значит, это кот!

Газетка прошуршала на пол. Из-под стола вылезло огромное, жуткое чудовище со светящимися глазами. Оно напоминало чупакабру. Огромные зубища намекали на то, что не ватрушками едиными...

– А! – открыла я рот, чувствуя, что сейчас отложу пирожки прямо здесь.

– Барсик, – погладила бабушка эту жуткую тварь. – Кушай, Барсик! Бабушка еще даст! Но попозжа...

Бабушка уселась в кресло, а Барсик заскочил к ней на колени.

– Ну, помурчи, – умилительно вздохнула бабушка, пока тварь ходила по ней, впиваясь когтями в обивку кресла. – Ну, бодун! Ай-да шалун! Да, полечи бабушке ножку! А то у бабушки ножка болит!

Глава пятая. Мама не разрешала открывать дверь незнакомцам!

Кажется, пирожки запаниковали раньше меня. Они все заспешили к выходу. «Эп!», – открыла я рот, пытаюсь придумать свои последние слова. Так, чтобы эпично и глубоко-мысленно. А не просто вякнуть: «Аааа! Ыыыы!».

– Барсик у меня хороший! Он очень людей любит! – чесала бабушка лысый «паспортный стол». Светящиеся глаза обещали мне вечную прописку. – Вот кто стучится – первый бежит!

Ага...

– А еще у него, кажется лишай и глисты! Никак вывести не могу! – погладила подслеповатая бабушка внушительную проплешину. – Все лекарства перепробовала! И мазала, и терла, и свечки эти дорогушие ему в попу вставляла! Ничего не помогает! Вон горчичник делала. Мне горчичники всегда от всего помогали! Чуть что – горчичник! И никаких проблем! Деду помогали!

Бабушка вздохнула, а Барсик соскочил на пол, снова направляясь к газетке.

– Вот будь добра, поищи очки мои! Куда задевала – не помню! Хоть посмотрю, есть ли у Барсика блохи. А то он ходит к кому попало! – вздохнула бабушка. – Ни вязать не

могу, готовлю кое-как.

Я посмотрела на разбитые и стекающие яйца возле старой кастрюли.

– Х-х-хорошо, я посмотрю, – кивнула я.

Барсик тут же оживился.

– В коридоре положила, видать! И забыла! А я слепая, ничего не вижу! Ой, заодно глянь, все ли там с ним в порядке? А то че-то переживаю! Вдруг блохи? – бабушка уселась в кресле поудобней.

Барсик всем видом намекал, что блох у него нет. Но я посмотреть я могу. Особенно, если подойду ближе.

– Не скажут там, окаянные? А то меня что-то за ноги кусает! – сетовала бабушка. И расчесала ногу. – Дед у меня суровый! Животных любил. А заводить не разрешал. Сколько раз я котиков ему домой носила? А он их на улицу! Ничего, хоть здесь заведу! А придет дед, пусть любит!

Да у деда с Барсиком будет любовь с первого взгляда! Это не Барсик будет жить у дедушки. А дедушка у Барсика. «Жил-был у бабушки страшный Барсик!», – гнусаво пропела моя заиндевелая от ужаса попа.

– Я посмотрю очки, – кивнула я.

– Посмотри, посмотри! А то вон пацаны окна разбили мне! Нехорошие! Барсика напугали! Он как перепугался, как на улицу выскочил! Надо будет ему ошейничек сделать! А у меня очков нет. А то вдруг потеряется, а как искать?

«По кровавым следам!», – намекал Барсик страшным

взглядом.

– Чтоб вернули. За вознаграждение, – рассуждала бабушка.

Барсик проводил меня взглядом. Из его пасти торчала рыбина. Размером с толстолобика. А могла быть моя рука!

Я вышла в темный коридор, пытаюсь отыскать очки. На полках была пыль. Свертки выглядели так, словно их положили давным-давно.

– Ну как? – спросил голос бабушки из комнаты. – Нашла? А Барсик у меня совсем оголодал. Одни ребры... Я ж почти не готовлю! Не вижу ничего! А ватрушки по памяти...

– Э... Я пока очкую! – ответила я, дрожащими руками перебирая чужие запасы на черный день. – То есть, очки ищу.

– Ну очкуй, очкуй! – вздохнула бабушка. – Главное, чтобы нашлись, родненькие! У них дужка одна лейкопластырем. А то придется просить, чтобы вторые мои очи прикопали... Ничего не вижу! Я же Барсика вон столько кормила! Он в воротах подходил, а тут я ему мисочку...

И тут я увидела очки. Они лежали между стопкой газет и огромной бутылкой в оплетке. Я схватила их, спеша распрощаться, как вдруг обернулась. Между мною и дверью к бабушке стоял ... Барсик.

– Очки на место положила, – прошипела тварь, глядя на бабушку в упор. – И сказала, что не нашла!

– Зачем? – прошептала я, делая шаг назад.

– Это я их спрятал, – слышался страшный голос Барси-

ка. – Чтобы бабушка меня не видела.

– А где настоящий Барсик? – спросила я, предполагая худшее.

– Жив он еще, – послышался сиплый голос Барсика. – Очки положила!

Кто я такая, чтобы спорить с тем, у кого зубы больше, чем моя ладонь? И тем более, я не имею желания спорить с тем, у кого слюна ниткой свисает аж до пола.

Только я собиралась положить очки, как вдруг вышла бабушка.

– Ой, – прищурилась она. – Нашла! Мои родненькие! Очки! Очи, мои очи! Давай сюды!

Я дрожащей рукой протянула очки. Сейчас мне понадобится квалифицированный тренер по фитнесу, который за тридцать секунд научит меня быстро бегать! Или очень квалифицированная помощь реанимационно бригады!

Барсик смотрел на меня так, словно руки и ноги мне уже не пригодятся. Бабушка протерла очки о шаль и надела их.

– Батюшки! – ужаснулась она, хватаясь за сердце. – Страсть-то какая!

Все, это конец! Если она выгонит Барсика, мне придется жить здесь. Ибо по ту сторону двери меня будет ждать очень голодный, слегка расстроенный и весь обиженный Барсик.

– Ужась! – продолжала бабка, медленно роя мне могилу. – Как же я так тебя запустила, родненький! Кожа да кости! Полысел от голода, бедненький! Это все бабка слепоша-

рая виновата! Не докармливала! Ай-я-яй! Поругай бабушку, Барсик! Ничего, сейчас бабушка кастрюльку большую возьмет! И моего бедного Барсика как следует накормит! У бабушки еще рыбка есть! Надо еще купить! Посидишь с Барсиком, пока я в магазин схожу?

Что? С Барсиком? Посидеть? Я могу и полежать с Барсиком. Правда, совсем не долго. И отнюдь не молча.

– А то оставишь его, а он найдет, че подрать! Вон, все изодрано! – вздохнула бабка, глядя лысую голову с редкой шерстью. – Ну, хоть не метит!

Да, это здорово! Главное, чтобы не метил! Остальное – не важно!

– Нет, что вы! Я тороплюсь! Писем очень много, – пятилась я к двери.

– Барсику страшно одному оставаться! – упрашивали меня, ища старенькую кошелку.

– Простите, но я должна спешить, – икнула я, глядя на Барсика. Он терся об бабушку так, что она шаталась. – Извините! Мне пора!

– Барсик, тебе же свитер нужен! А то застудишься! – донеслось до меня, когда я нащупала ручку двери.

Я вылетела за дверь и мчалась по улице, пока мне перестали чудиться светящиеся глаза Барсика. Мне казалось, что у меня на лбу надпись: «Корм для Барсика».

Сердце все еще не могло утомиться. А я, согнувшись пополам, с трудом переводила дух. И радовалась за Барсика

всей душой.

– Так, еще одно письмо и ... – пробубнила я, роясь в сумке. Что дальше, я не знала. Я не знала, где буду ночевать. Ну хоть поела! Мир, как выяснилось не без добрых людей. «Да!», – зевнула в памяти зубастая пасть Барсика.

Письмо вылетело у меня из рук и понеслось по улице. Осталось ... девяносто восемь писем!

Едва волоча ноги, я ползла за письмом. Откуда-то поднялся ветер. Он несколько раз сдувал с меня фуражку. Я оставливалась, бежала за ней, и снова возвращалась.

– Зачем я на это только подписалась? Еще Барсика мне не хватало! – ворчала я, удерживая фуражку рукой.

Письмо остановилось. А я не заметила, и прошла чуть дальше. Пришлось вернуться. Дом напоминал пряник. Он был настолько красивым, что если бы не пирожки, то я бы откусила половину!

В саду были разбросаны детские игрушки. Возле дерева стоял прислоненный самокат. На дорожке лежал скейт. И много-много всяких красивых мягких игрушек.

Я подошла к двери, заметив, что глазок был где-то на уровне моего пояса. Он был большим и выпуклым.

– Тук-тук, – постучалась я в шоколадную дверь. – Есть кто дома?

За дверью слышался шорох и дыхание. Кто-то напряженно сопел. Глазок потемнел и ... и ничего!

– Тук-тук! – снова постучалась я, надеясь, что Барсик –

единственный и уникальный представитель своего рода.

– Кто там? – спросил напряженный детский голосок.

– Это я! Почтальон! – как-то звонко и ласково ответила я. Почему-то, когда я слышу детский голос, обращенный ко мне, то я тут же начинаю сюсюкаться! Я не нарочно! У меня так самопроизвольно получается.

– Почтальон? – спросил все тот же голосок.

– Да! У меня письмо для... , – я глянула на конверт. – Для любимого сыночка! От мамы!

– Мама не разрешала мне открывать дверь незнакомым людям, – послышался голос за дверью.

– Но я же почтальон? – удивилась я. «Он тоже умер!», – пронеслось в голове, когда я вспомнила, где нахожусь. – С письмом от мамы!

– Тот дядя тоже говорил, что он почтальон. И что он принес письмо от мамы, – послышался подозрительный голос. – И я ему поверил. И открыл. А потом очутился здесь! Так что я вам дверь не открою!

Я стояла перед дверью, сжимая письмо в руке.

– А еще я хочу кушать, – вздохнул детский голосок. И тут же приободрился. – Я жду маму, когда она придет и приготовит мне покушать!

– Давай я зачитаю тебе письмо? – спросила я, глядя на красивую дверь. «Моему любимому сыночку», – прочитала я на конверте, понимая, что мама где-то там.

– Читай, – послышался настороженный голос. – Только

дверь я не открою!

– Давай я через дверь, – вздохнула я, раскрывая конверт. – Мой маленький, мой бесценный, мой сладкий...

Я прочитала эти слова, чувствуя, как дрожит голос.

– Как ты там? – прочитала я, глядя на прыгающие буквы.

– Мы с папой хорошо. Стараемся жить. Потихоньку. Я сохранила все твои игрушки. И зайца тоже. С которым ты засыпал. Помнишь Зайчика?

– Мой зайчик, – послышался вздрогнувший голосок. – Я боялся темноты, а Зайчик меня защищал...

– Мы его долго искали, чтобы положить тебе... Но не нашли. Потом папа нашел его за кроватью. Видимо, ты его туда спрятал... Мы так обрадовались. По очереди тискали этого зайца. Я обняла его, а папа обнял меня. И просидели так целый вечер. Мы вспоминали, как ты был маленьким. Как мама учила тебя выговаривать букву «Р», как папа показывал тебе, что внутри машины. И как ты просил щенка овчарки. Помню, папа сказал, что с ним некому будет гулять. Мы постоянно заняты на работе. А я придумала, что у меня аллергия на шерсть. Я просто не захотела лишних хлопот. Поэтому и придумала эту чертову аллергию. Прости меня, если сможешь... Знаешь, сколько раз я прокляла себя за это? Если бы ты знал! Если бы я знала, то купила бы тебе хоть десять этих собак!

– Мама мне соврала про аллергию? – спросил тихий голосок. – И поэтому мне не купили собаку?

– Знаешь, наверное, мама очень беспокоилась, – осторожно произнесла я. – Боялась, что ты еще слишком маленький, чтобы иметь собаку. Вот если бы ты вырос, то тебе бы ее завели! Собака – это хлопоты. Убирать за ней, гулять с ней, лечить, когда она болеет...

Полными слез глазами я посмотрела на притихшую дверь.

– Может быть, если бы мы завели тебе щенка, то все было бы по-другому. Может быть, мой малыш был бы жив...

Овчарка – серьезная собака, – прочитала я, поглядывая на потемневший глазок. – Если бы можно было обнять тебя, я бы обнимала тебя каждую минутку... Но сейчас мне некого обнимать... Я обнимаю твоего зайца. Он все еще пахнет тобой. Иногда я сижу, зарываясь в него носом и плачу. Папа говорит, что нужно жить дальше. А я не могу. Люблю. Целую. Мама.

– Мама с папой всегда были заняты! Я столько раз к ним подходил, а они: «Не до тебя сейчас, иди к папе поприветствуй!». Или «Иди к маме, папа устал!», – слышался обиженный голосок. – Они меня не замечали...

– Они тебя очень любили, – убеждала я, видя разводы слез на письме. – Просто взрослые зарабатывают деньги, чтобы у тебя было все самое лучшее... Каждую минутку на работе они думали о тебе... Вот ругает их дядя – начальник. А они терпят и думают, что купят тебе на день рождения!

– Да но... – донеслось до меня слегка задумчивое.

Я прислонилась к двери и сползла по ней, усаживаясь поудобней.

– Чем больше мама и папа работали, тем сильнее, значит, они тебя любили. Поэтому и уставали, – объяснила я. Увы, таковы современные реалии мира.

– Уставали любить меня? – удивился голосок.

– Нет, что ты... Они не уставали любить тебя, – убеждала я, размазывая слезы. Я не могла похвастаться любящими родителями. Мой отец ушел, а мать лишили родительских прав, когда мне было три года.

– А когда они успевали меня любить, если они постоянно работали? – слышался удивленный голосок.

– Вот сейчас ты со мной разговариваешь, но ты же любишь маму и папу? – спросила я.

– Ну да, – вздохнул детский голос.

– Вот и они так же любили тебя, – прошептала я, осторожно засовывая письмо под дверь.

– А почему здесь ничего не написано? Тут чистый листик! – слышался удивленный голосок.

– Так и есть. Просто ты не сможешь прочитать его, – ответила я, медленно вставая.

– Но я же знаю буквы! – слышался обиженный голосок. – И считать умею! До сорока!

Я промолчала. Мне нечего было сказать.

– Оно пахнет мамой, – слышался голосок. – Это ее духи! Любимые!

И тут послышался шелест. Я посмотрела под дверь и увидела, как письмо возвращается обратно.

– А можешь прочитать мне его еще раз? – спросил голосок. – Я просто хочу его выучить наизусть!

Я полезла закрывать сумку и увидела там ... пирожки. В этот момент мне стало дурно. И тут я вспомнила, что ребенок ничего не ел...

– А ты можешь приоткрыть дверь, чтобы я дала тебе покусать? – спросила я, глядя на кулечек. Видимо, это особая магия бабушек! Любая бабушка даст фору любому старому опытному карманнику. Только если ты могут незаметно стащить кошелек, то любая бабушка может незаметно впихнуть тормозок!

– Нет, – послышался строгий голосок.

– Ну, хорошо, – вздохнула я. – А про окно мама тебе ничего не говорила?

Я уже чувствовала себя матерью, удачно пристроившей детей в детский сад.

Пирожки были холодными и жирными. На них отпечаталась старая газета, пестрящая заголовком: «Умереть – не спать!». Огромной рекламой «Портреты живых на заказ. Рисую по памяти».

– Грустненько, – заметила я, взвешивая на руках пирожки. – Давай я тебе их в окошечко подам!

За дверью было тихо. Я направилась через кусты к огромному окну. Подтянувшись на руках, я передала физкульт

привет всем съеденным гамбургерам. Стонала я так, словно рожала дикобраза. Причем, шел он иголками вперед.

– Их! – выдала я боевой клич неспортивного человека, впервые столкнувшегося с трудностями.

– Есть! – вцепилась я пальцами в откос. – Малыш! Ты там? Вот!

Я помахала пирожками возле стекла. Пирожки внутри меня заигрывали с силой земного притяжения.

И тут я увидела мальчика. На вид ему можно было дать милительные семь лет. Он смотрел на меня и на пирожки.

– Давай, я тебе их передам, а в дом заходить не буду! – убеждала я ребенка, активно жестикулируя. В основном пирожками.

Ребенок сомневался. Он мялся на ковре, осматриваясь по сторонам. На нем был свитер со снеговиком, штаны с лейбами и сползший носок.

– Мама запрещает мне разговаривать с незнакомыми людьми, – неуверенно произнес мальчик. – И брат у них сладости!

– Не такие уж они и сладости, – заметила я, рассматривая пирожки. – Давай, бери! Это мама тебе посылкой прислала!

– Все вы врете, – внезапно нахохлился мальчик, засунув руки в рукава. – Мама считала пирожки вредными. Она говорила, что от них поправляются!

– Может, ученые уже доказали полезность пирожков для голодного детского организма, – оправдывалась я. – Ладно,

давай я тебе их под дверью оставлю, а ты откроешь и возьмешь, когда я уйду.

– Не стану я открывать дверь, – заметил мальчик. – Открыл уже дяде...

Я слезла и оставила пирожки под дверью. Идя по аллее, я оборачивалась, в надежде, что пирожки исчезнут сначала за дверью, а потом в растущем организме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.